

- ⁵ См.: Молодежь и политика. Библиотека либерального чтения. М., 2006. № 17. С. 203.
- ⁶ См.: Архив министерства образования Саратовской области. 1999 г.
- ⁷ См.: Шатилов А.Б. Динамика политико-культурных предпочтений россиян и трансформация партийной системы Российской Федерации в 90-е годы. Образцы власти в политической культуре России / МОНФ. М., 2000. С. 54.
- ⁸ Свободный Саратов. 2003. 31 окт.

- ⁹ См.: Науменко Т.В. Массовое сознание и его роль в массово-коммуникативном процессе // Вестн. МГУ. Сер. 12. 2004. № 1. С. 147.
- ¹⁰ См.: Информационные материалы министерства молодежной политики, спорта и туризма Саратовской области. 2003 г.
- ¹¹ II Всероссийский форум молодых парламентариев: Материалы для участников форума. 24–25 февр. 2005 г. Рязань, 2005. С. 6.

УДК 32.130.3

ДЕТЕРМИНИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ КРИТИКИ ДЕМОКРАТИИ

Н.Н. Филатов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории и теории государства и права
E-mail: FilatovNN@info/sgu.ru

В статье рассматривается проблема источников критического настроения современного массового сознания в отношении перспектив демократического развития России.

Ключевые слова: критика демократии, массовое сознание, научная критика, демократический транзит.

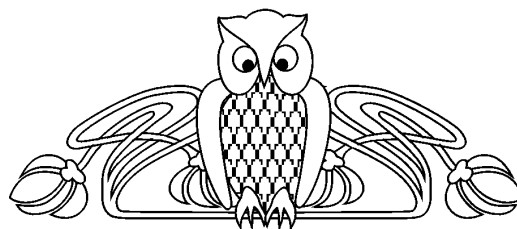
The Determining Function of Russian Democracy Critique

N.N. Filatov

This article considers the problem of the reasons for critical spirit in the modern mass consciousness concerning the prospect of democratic development in Russia.

Key words: democracy critique, mass consciousness, academic critique, democratic transit

Часто говорят, что история не терпит сослагательного наклонения, что неуместно рассуждать о том, что было бы, если бы условия развития того или иного процесса сложились бы по-другому. У политической науки в этом смысле есть большое преимущество перед исторической наукой: она изучает те процессы, которые сегодня еще не пришли к завершению, которые, возможно, будут иметь свое продолжение завтра, а потому эти процессы в любой момент могут изменить траекторию своего развития. В том числе такое изменение может произойти и происходит под влиянием научных оценок. Собственно, весь практический смысл существования политической науки, как представляется, в том и состоит, чтобы своими оценками и суждениями изменять в нужную обществу и элитам сторону ход политических процессов. Другое дело, что сами политологи очень редко обращают внимание на то, к каким практическим последствиям приводят их идеи, вброшенные в пространство массовых коммуникаций. Чаще всего они повторяют жалобу, что власть ученых не слышит, а значит и результативности научной критики политической сферы нет.

Политическая наука должна критически относиться к характеристике тех политических явлений и процессов, которые являются предметом ее внимания, – это факт. Точнее было бы сказать – это апробированная зарубежным и отечественным исследовательским опытом традиция. Однако, чтя эту традицию, не следует забывать, что критические рассуждения о политике, решая задачу самоопределения научного сообщества, выполняют еще одну функцию применительно к самоопределению в политике общества и его политических элит. Критические высказывания заставляют людей усомниться в истинности многих вещей и идей. А поскольку пространство политической культуры не терпит пустоты, это часто побуждает людей некритически принимать на веру истинность других ориентиров развития и других ценностей. Критика, таким образом, в значительной степени детерминирует политический выбор людей, особенно тогда, когда эти люди по тем или иным причинам экономического и культурного порядка (недоверие ко всему, что связано с политикой государства, например) склонны прислушиваться к этой критике. Порой детерминирующее влияние критики проявляется настолько сильно, что этот выбор приобретает характер метания массового сознания от, как имеет место в России, например, абсолютизации ценностей советской демократии к превознесению ценностей демократии либеральной, и от этих ценностей к ценностям национализма и государственничества.

Метания, которое порой так удивляет аналитиков, атрибутируется ими как проявление неких свойств современной ментальности, склонности ее к радикализму политических оценок. «Во всяком случае, положение, при котором вера в идеалы демократии, – пишет один из современных отечественных исследователей, – сочетается со скепсисом в отношении ее способности ответить

на новые вызовы времени, характерно сегодня и для Запада, и для России»¹. Хотя в гораздо большей степени, как представляется, этот радикализм общественных умонастроений рождает радикальные оценки политической реальности, которые формулируются политической наукой и публицистикой и становятся элементом массовых коммуникаций. Если смысл политической науки и политической публицистики в том и проявляется, чтобы доступными им средствами влияния на структуры массового сознания программировать развитие политических процессов, то этими же средствами осуществляется внесение в это программирование и хаотического начала.

Логика этой связи внешне вполне очевидна. Но она обыкновенно игнорируется аналитиками тогда, когда речь заходит о влиянии информации на политическое поведение людей: влияющие научной информации априорно и независимо от его характера признаются конструктивным для людей, осуществляющих выбор в политическом мышлении и поведении. Логика становится примерно такой: чем больше информации самого разного качества получает человек, чем более средствами науки и публицистики этой информации сообщается критичности, тем более определенным и предсказуемым становится мышление и поведение людей в политике. Так, например, В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, подводя итог своему исследованию проблем укоренения демократии на российской почве, утверждают: «“Русская власть” – это вполне реальная историческая субстанция, и ныне мы вновь вкушаем ее плоды. Следует признать потрясающую живучесть данного феномена, его способность возрождаться и набирать силу. Однако разве не может (и не должен!) наметившийся “метафизический” пиетет перед этим идолом-мутантом смениться концептуализацией, критическим обсуждением, выдвижением и проверкой гипотез, широкими сравнительными исследованиями – и все это ради получения ответа на вопрос: при каких условиях “русская власть” сменится в России на нечто более приемлемое?»².

По самому характеру ключевого вопроса, поставленного этими исследователями, видно, что он имеет вид заявки на перепрограммирование направленности политического процесса, всего порядка взаимодействия общества и государства в политике. Когда в результате усиления критичности и разнообразия информации массовое сознание начинает метаться от одних идей и ценностей к противоположным и обратно, то так же обычно звучат обвинения в адрес науки и политической публицистики в том смысле, что они не справились со своей задачей по определению вектора политического развития, что они нанесли этому развитию вред и т.д. Правильнее было бы сказать, что в том критическом формате, который объективно был задан, наука и публицистика со своей задачей справились, разуверив общество в том, во что оно прежде верило, детерминировав

те ценностные метания массового сознания, о которых говорилось выше.

Опыт современного российского демократического транзита наглядно демонстрирует масштаб этой результативности. В современных исследованиях понятие «демократический транзит» часто критикуется, как неприложимое к определению того, что происходило в России в последние два с половиной десятилетия. Но в данном случае это понятие представляется уместным в том смысле, что оно создает удобные аналитические рамки для поиска ответов на вопросы: почему два десятилетия усилий по демократизации российской политики дали не те результаты, которые изначально планировались, почему сегодня перспектива демократического развития России остается обсуждаемой проблемой и какой вклад в это положение дел внесла наука своими критическими суждениями в адрес сначала советской, а затем и либеральной демократии?

Демократизация России планировалась именно как транзит от одной точки, определяемой понятием «советский строй», через промежуточные точки, определяемые понятиями «социализм с человеческим лицом» и «магистральная дорога прогресса современного человечества», к той точке, которую определяет понятие «либеральная демократия». Логике этого транзита соответствовали различные программы экономических, социально-политических и административно-правовых реформ, прошедших в нашей стране в 90-е гг. прошлого века. Все они отталкивались от критики недостатков советской экономической и социально-политической системы, усилиями научной и публицистической критики возводимых в абсолют. Советская демократия определялась как не-демократия в принципе, а советская экономическая система как не-система и не-экономическая в принципе.

Однако если проследить тот порядок, в котором наукой и публицистикой 90-х гг. составлялись идейные и ценностные «вешки» для движения российской социально-политической системы к либеральной демократии, то порядок этот будет выглядеть довольно хаотическим. Хаотическим содержательно и по организации.

Что касается организации, то в период «перестройки» критика советской демократии, сориентированная на непропорциональное сравнение ее преимуществ и недостатков, подчиненная намерению либерально настроенной интеллигенции максимально мобилизовать протестный потенциал массы советских граждан, накопившийся в «период застоя», приобрела весьма противоречивую структуру. Базовое противоречие состояло в том, что для дискредитации доктрины строительства социализма и для апологетики перспектив либеральной демократии в России использовались советская идеологическая риторика и терминология, логика построения теоретических суждений. Получалось так, что приводимых критических

аргументов объективно не хватало для решения первой, а апологетических – для решения второй задачи. Научная и публицистическая критика советской демократии и советской экономики, сориентированная на максимальное подчеркивание недостатков этой системы и игнорирование ее достоинств, объективно исключала возможность сопоставления для потребителей политической информации недостатков советского строя с недостатками либерально-демократической организации и достоинств ее с достоинствами либеральной модели. Таким образом, уже на уровне самой организации научной критики закладывались предпосылки для развития в массовом сознании представлений о том, что осуществляемый либерально настроенными политическими и интеллектуальными элитами демократический транзит России есть движение к светлому, но очень неопределенному будущему. Если говорить о содержательной стороне, то именно в «перестроечный» период под воздействием научной и публицистической критики начал формироваться эффект «зависания» массового сознания российских граждан между естественной для любого «исторического» народа приверженностью своему политическому прошлому во всем его многообразии, сомнениями в истинности социалистических идей и ценностей, порожденными их научной и публицистической критикой, желанием лучшей жизни и неуверенностью в либеральных и каких бы то ни было вообще перспективах ее достижения. Тех деятелей советской истории, кого одни критики советского опыта социалистического строительства определяли как жертв «сталинского» политического режима, другие критики определяли как главных виновников политических репрессий и организаторов внеэкономического принуждения в экономике. Те социальные группы, которых одни критики определяли как жертв социалистических экспериментов (крестьянство и интеллигенция, например), другие публицисты и ученые выдвигали на роль той среды, которая, собственно, и порождала всевозможные политические и экономические девиации в политической культуре советского общества и таким образом служила питательной почвой для антидемократических тенденций в развитии России³. Средних позиций, на которых могло бы сосредоточиться общественное внимание как на том основании, по которому можно было бы сравнивать недостатки и достоинства советской и либеральной моделей демократии, почти не прослеживалось. Они просто не вписывались в господствующее понимание детерминирующей функции научного анализа – как можно больше критичности.

В результате такой критической и хаотической «настройки» массового сознания выбор в пользу либеральной демократии и ответственности за него был переложен обществом на плечи политических и интеллектуальных элит⁴. Желание снять с себя эту ответственность породило

на рубеже веков в научной и публицистической среде ответную волну критики теперь уже самой либеральной демократии как недостаточно теоретически осмысленной цели развития, нарастание почвеннических и консервативных настроений в рядах интеллектуалов.

Тем самым был спроектирован новый парадокс в настроениях современных политических субъектов, в их отношении к демократизации России, когда все ценят демократию (как последнее, что осталось ценного из спектра нетрадиционных для российской политической культуры ценностей), но на практике, как показывают систематические исследования Института социологии РАН, предпочитают сильную и эффективно действующую административную власть непредсказуемости и затратности демократических процедур.

М.К. Горшков в уже упомянутом исследовании особенностей российской современной ментальности пишет: «...нельзя не видеть и того, что в российском обществе сложилось устойчивое мнение о том, что что российская версия демократии и рынка далека от совершенства. Упрочилось мнение о том, что процесс демократизации явно “застопорился” и попал в своеобразный замкнутый круг, когда новые демократические политические институты не могут стать достаточно эффективными, поскольку не пользуются необходимой поддержкой со стороны массовых и элитных групп общества, а получить поддержку и легитимность эти институты не могут, поскольку в глазах большинства населения не являются эффективными, способными помочь в решении возникающих перед обществом проблем, прежде всего, социальных»⁵.

Социологическое исследование не предполагает по своему характеру, что его автор должен «докапываться» до выяснения причин и истоков таких массовых умонастроений. Заметим, однако, что именно на слабой эффективности и затратности демократических институтов, на бессмысленности для общества связывать с ними свои надежды на изменения политики, экономики и культуры к лучшему (особенно это заметно по проблематике организации местного самоуправления, деятельности НКО и других структур в сфере публичной политики) делается акцент в современной критике опыта либеральной демократизации России⁶.

В свете этой тенденции можно с большим основанием утверждать, что нынешняя тенденция к усилению в российской политике административного начала есть не только и, может быть, даже не столько отражение корпоративной переориентации властвующих элит, сколько адекватная реакция этих элит на верно уловленные ими настроения массы российских граждан. Граждан, адекватно подготовленных к такому взаимодействию с властными элитами тем, что им научно было растолковано, что либеральная демократия, все эти концепты гражданского общества, право-

вого государства и свободы личности на практике себя не оправдали, а в ближайшей перспективе в России для их внедрения и эффективного функционирования предпосылок не сложится. И вообще: двигаясь вслед за Западом по одной с ним дороге демократического развития, России Запад в принципе не догнать и тем более не обогнать. Надо искать «суверенный» путь, хотя и в границах принципов и ценностей демократии.

Возможно предположить, что если бы общество и власть больше, как это было в советскую эпоху, ориентировались на идеологические императивы и меньше прислушивались к критическим замечаниям исследователей и публицистов, то, как это происходило в советскую эпоху, политическое развитие шло бы более плавно и стабильно. Проблема в том, что в период демократического транзита отечественные политическая наука и публицистика оказались в плане выполнения детерминирующей политической функции силой более влиятельной, чем они сами себе это сегодня могут представить. Это проблема ответственности научного и публицистического сообщества за тот вектор отношения к политике и участия в ней, который они задают обществу. Эта проблема нуждается в разработке, в точно таком же критическом исследовании, потому что не трудно спрогнозировать (политический процесс не остановить), что вслед за переживающей организационный и идейный кризис российской либеральной демократией точно такой же, не вполне сообразованной с пониманием последствий, критике подвергнется новая модель

организации социально-политической системы и массовое сознание опять будет вынуждено выбирать между тем, чем оно недоволено, и тем, смысл чего ему непонятен. Теоретически неорганизованная, неструктурированная по направлениям и проблемам, то, что называют «огульная» критика либеральной демократии, как нетрудно предположить, в недалеком будущем детерминирует и сохранение несистемности в политическом поведении и мышлении российского социума, которую мы опять будем списывать на особенности национального менталитета и т.д.

Примечания

- 1 Горшков М.К. Российский менталитет в социологическом измерении // Социс. 2008. № 6. С. 112.
- 2 Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «русской власти»: от метафор – к концепции // Полис. 2007. № 2. С. 23.
- 3 См.: Солнцева С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 3–16.
- 4 См.: Элита в России // Вестник аналитики. 2006. № 1. С. 52–83; Грудцына Л.Ю. Частная собственность и гражданское общество в России // Государство и право. 2008. № 6. С. 33–40.
- 5 Горшков М.К. Указ. соч. С. 112.
- 6 См., напр.: Иванов В. Демократия – это вам не лобико кушать // PRO суверенную демократию. М., 2007. С. 63–72.

УДК 32:070:004:056

СУБЪЕКТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

А.В. Россошанский

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: vil57@yandex.ru

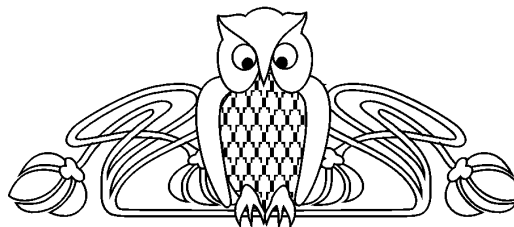
В статье рассмотрены изменения субъектных характеристик информационно-политического пространства региона в результате перехода на пропорциональную систему выборов депутатов Государственной думы и усиления функциональности политических партий.

Ключевые слова: СМИ, политическое пространство, информационно-коммуникационное пространство, субъектность информационно-коммуникационных отношений, партии как субъекты информационно-коммуникационных отношений.

Subjective Characteristics of Information and Political Space of a Region

A.V. Rossoshansky

The article considers the changes in subjective characteristics of information and political space of a region as the result of transition

to the proportional system of State Duma deputy election and the strengthening of political parties' functionality.

Key words: Mass-Media, political space, information and communication space, subjectivity of information and communication relationships, parties as subjects of information and communication relationships.

Одной из противоречивых и неоднозначно трактуемых теоретических проблем информационно-коммуникационных отношений является субъектность информационно-политического пространства общенационального и регионального уровня.

Чаще всего данная проблема рассматривается в контексте понимания субъект-объектных отношений в сфере политики в целом и является отражением специфики взаимодействия власти и общества. В этом случае понятие субъектности определяется в зависимости от различных тракто-